

ЗОЯ КУЦА

Университет Марии-Кюри Склодовской (Люблин)

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРАВДЫ В КНИГЕ БОРИСА ШИРЯЕВА *НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА*

Testimony of the truth in *Inextinguishable Lamp* by Boris Shiryayev

In the 20th century, all the periodicals and literary journals were controlled by the USSR Union of Writers (Union of Soviet Writers) and thus literary works dealing with everyday life of Soviet forced-labour camp prisoners could only be published abroad. Once released from the camps, many Russian authors emigrated to the West where they could produce their literary works about life in the Gulag without fear of the totalitarian regime and its censors. *One Day in the Life of Ivan Denisovich* – Alexandr Solzenitsyn's literary contribution to Gulag writings – proved to be a milestone in the history of Russian literature. At that time Gulag literature had already developed its own plot structure and unique voice. Novels set in the Gulag offer grim portrayals of the enslaved people, of appalling realities of life in the camps, and the methods used to dehumanise people in the Soviet reality. The antithesis of a prison – the governor appears in every work set in the Gulag.

Boris Shiryayev – a writer and poet; author of the novel on the Solovki prison camp, in which he provided a graphic account of the brutal reality of the camp life. However, unlike many other authors tackling the subject of Gulags, people depicted by Shiryayev remained unbroken despite the monstrous reality of the camp. Through their perseverance and patience they set an example for other inmates.

Keywords: Shiryayev, Solovki, totalitarian regime, Gulag literature, prison camp, prisoner, sacrum – profane.

Борис Николаевич Ширяев [1889-1959] русский писатель, поэт и публицист. Во время первой мировой войны служил на фронте кавалерийским офицером. В 1918 году после возвращения в Москву, пытаясь пробраться в добровольческую армию, был задержан и приговорен к смертной казни. В 1922 году приговор к рас-

стрелу был заменен на десять лет в Соловецком концентрационном лагере, где писатель активно работал в лагерном театре и журнале «Соловецкие острова», в котором опубликовал свои стихи *Соловки*, *Диалектика сегодня* и повесть *1237 строк*. В 1929 году из Соловецкого лагеря писатель попадает в ссылку в Среднюю Азию, где работает, в основном, журналистом. В 1932 году Ширяев возвращается в Москву, но в очень скором времени его опять арестовывают и ссылают в Воронежскую область. В 1945 году автор *Неугасимой лампы* уезжает в Италию, где остается и после войны, попадая в лагерь перемещенных лиц, продолжает заниматься литературной деятельностью, публикуя свои работы в журналах «Возрождение» и «Грани». В 1952-53 выходят в свет его книги *Ди-Пи в Италии*, *Я мужчина русский*, *Светильник Русской Земли*, *Последний барин* и во многом автобиографический роман *Кудеяров дуб* (Паламарчук).

Неугасимая лампа Бориса Ширяева считается вершиной его творчества и является художественным осмыслением всего пережитого писателем в Соловецком концлагере. Впервые книга была издана в Нью-Йорке в 1954 году. Русский читатель познакомился с повестью только в 1991 году. Книга состоит из рассказов о самых ярких встречах и событиях на Соловецкой каторге. Повесть является одним из первых свидетельств трагедии Соловков в двадцатые годы. Писатель затрагивает проблемы нравственного характера. Ключевой идеей книги является проблема зла и страдания. *Неугасимая лампа* - это книга о противозаконности, противоестественности советской, тоталитарной системы, представители которой своими же руками создали лагерь, практически ничем не отличающиеся от фашистских, только, как говорил в свое время Солженицын, в советских лагерях, в отличие от фашистских, уничтожали своих же людей.

Повесть *Неугасаемая лампа* принадлежит к лагерной прозе, относящейся к художественно-документальному жанру (С. Максимов, *Сибирь и каторга*, Ф. Достоевский, *Записки из Мертвого дома*, сибирские очерки В. Короленко, А. Чехов, *Остров Сахалин*) (Сафронов 2012, 49). У истоков темы «виноватых и обвиненных» в русской литературной традиции лежит книга Ф. Достоевского *Записки из Мертвого дома*, только в то время ссылки не имели столь мас-

сового характера, как в XX веке, а термин «лагерная литература» еще не существовал. В 1860-61 году Ф. Достоевский опубликовал первые главы книги, которая пролила свет на неведомые до того времени и даже потаенные уголки жизни русского народа. За ним последовали Чехов, Максимов, Короленко и другие. К лагерной прозе относятся также книги: *Один день Ивана Денисовича*, *Архипелаг Гулаг* А. Солженицына, *Колымские рассказы* В. Шаламова, *Верный Руслан* Г. Владимова, *Зона* С. Довлатова, *Черные камни* А. Жигулина.

Содержанием такого вида литературы являются результаты наблюдения автора над реальной жизнью современников, актуальные общественные проблемы, исторические исследования. [...] Герои, представленные читателю в художественно-документальных текстах – это автор-повествователь и его окружение, социальные типы, исторические лица (Сафронов 2012, 3).

«Литература факта» занимает значимое место и в русской художественной прозе. В XX веке литература этого жанра затрагивала вопросы трагической судьбы России и русского народа, показывала судьбы людей, «наказанных без преступления» (Сафронов 2012, 4). Для этого жанра свойственны точность и лаконичность высказывания, подробность в описании, казалось бы, маловажного события или детали. Мельчайшие подробности лагерного быта позволяют читателю представить картину лагеря со всеми подробностями, что делают заключенные и как они это делают, что едят, как спят, что думают, что предполагают. Авторы лагерной прозы, стараясь не упустить из виду даже второстепенных деталей, описывают мельчайшие подробности быта лагерников.

Зона в этих книгах представляется как мир трагедии и драмы. Для Довлатова, например, лагерь - это не только трагический опыт, но и гротескно-комический, (Wołodźko 1995, 115) это сущий ад – вспоминает писатель. Если для Шаламова мир Колымы лишен Бога, мир, свободный от христианских представлений о морали, мир абсолютного зла, то лагерный мир Ширяева наполнен Богом, это сакральное место, в котором существует жизнь, пока горит неугасаемая

лампада. Сафронов отмечает, что «жизненная правда в творениях писателя не существует вне индивидуального видения мира, свойственного каждому подлинному художнику, вне особенностей его образного мышления, его творческой манеры» (Сафронов 2012, 25).

Смысловой доминантой художественно-документальной прозы являются заглавия, которые информируют читателя о том, о чем будет повествоваться в данной части книги. К примеру, глава из *Неугасимой лампы* о несломившихся людях называется «Сих дней праведники». Или же вторая глава под названием «Неопалимая Купина» посвящена творческой деятельности в лагерном театре, хоре, библиотеке. В этой главе наиболее выразительно представлена оппозиционность жизни на острове и на материке.

В *Неугасимой лампаде* Ширяев все свое внимание сфокусировал на человеке, его мучениях и страданиях, выдвигая на первый план отношения между людьми. Писатель возвращается к проблеме, которая волновала Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Б. Зайцева, А. Ремизова и других писателей. Проблема зла в мире, считали писатели, идет от человека. Почему жизнь такая нескладная? Почему люди потеряли сочувствие друг ко другу? Этими вопросами задавались гоголевский Акакий Акакиевич и ремизовский Маракулин из повести *Крестовые сестры*. «Человек человеку бревно» – считал Маракулин. Похожие отношения показаны в книге Ширяева на примере реляций узник – начальник.

В повести о большевистском терроре представлена ужасающая картина выживания соловецких узников, показана осознанная борьба по умерщвлению личности. В отличие от книг, уже написанных о Соловках (А. Клиггер, *Записки бежавшего*), на первое место Ширяев выдвигает святость этого острова, и, несмотря на нечеловеческое отношение начальников к заключенным, это место писатель называет поистине святым, живительным источником для узников. Автор *Неугасимой лампы* посвящает эту книгу художнику Михаилу Нестерову, который в день получения писателем приговора сказал: «Не бойтесь Соловков. Там Христос близко» (Ширяев 2009, 5). Возникает вопрос: соловецкий концлагерь приобретает статус места *locus-fatum* или *locus-sacrum*? Пространство как один из важнейших фрагментов картины мира человека неразделимо связано со временем (Прокофьева 2005, 87). Небезызвестно, что Соловецкий мона-

стырь был основан в 1486 году русскими святыми: Савватием, Германом и Зосимой. О жизни в Соловецкой обители повествует как Б. Ширяев, так и А. Клиnger, с тем только отличием, что книга Клингера носит более документальный характер и ее автор, не жалея слов, повествует о всех ужасах Соловецкой каторги. В свою очередь Ширяев все ужасы жизни на каторге сглаживает евангельским светом. Ретроспективный взгляд на Соловки позволил ему иначе взглянуть на все происходившее. Писатель вспоминает:

Есть годы, скручивающие тутим, неразрывным узлом столкнувшиеся во времени века, сплетающие в причудливый до невероятия узор прошлое с будущим, уходящее с наступающим [...]. Лишь отойдя на грань положенного срока, можно разобраться в загадочных извилах их узоров (Ширяев 2009, 5-6).

Таким образом, описание быта на Соловках сочетается с размышлениями и даже неким анализом глубоких моральных и нравственных проблем. Повествование в книге ведется то от первого, то от третьего лица. Философско-нравственный потенциал этой литературы заставляет задуматься и осмыслить трагичность тоталитарной системы.

Первыми узниками Соловецких лагерей в подавляющем большинстве были офицеры Белой армии, прибывшие сюда в 1922 году. За ними последовали новые толпы – так называемые «каэры»: офицерство и духовенство, заподозренное в контрреволюции, а также «легалые» – провинившиеся чекисты. В группу «каэров» попадали директора фабрик, фрейлины, проститутки, профессора, матросы-анархисты, финансисты, валютчики. Самым поражающим является тот факт, что до момента стабилизации концлагерной системы не было ни одного заключенного, осужденного в судебном порядке. Абсолютно все, от шпаны до высших церковных иерархов, были сосланы во внесудебном порядке, по постановлениям верховной коллегии ОГПУ (Ширяев 2009, 40). Ширяев приводит гротесковые примеры, являющиеся свидетельством и подтверждением «уродливости» и «гнилости» советской юриспруденции. Например, эстрадный куплетист еврей Жорж Леон был сослан за антисемитизм. Он

исполнял одесские еврейские песенки, но в его произношении слышался акцент, что и не понравилось власть имущим. Зато на Соловках он с большим успехом под аплодисменты публики исполнял те же песенки, и это никому не мешало. И еще один пример абсурдности советской юриспруденции. Брат писателя Виктора Шкловского Владимир, самоуглубленный философ, абсолютно чуждый политики, дружил с православным священником, который дал ему на временное хранение крест и чашу. Когда это стало известно властям, В. Шкловского осудили как тихоновца и православного церковника (Ширяев 2009, 43). Такими примерами обилует вся книга, они проливают истинный свет на политику тоталитарной системы.

Мир концентрационных лагерей кардинально отличается от мира живых людей с их желаниями, потребностями, мечтами. Разница между двумя этими мирами касается метафизических и аксиологических фундаментов. В лагере царит целенаправленно организованный беспорядок, абсурд, хаос. Это касается также поведения узников и надзирателей, которое часто алогично и иррационально (Chrzan 2011, 72).

На первое место в книге выдвигается сакральный статус острова Соловки. Религиозность, воцерковленность узников, христианские церковные обряды становятся тем дополнительным повествовательным пластом книги, который сглаживал темноту лагерного быта, отсюда одним из главных атрибутов художественного мира произведения является теоцентризм. Под влиянием разных жизненных обстоятельств многие герои претерпевают метаморфозы. Гетерогенность путей постижения Божественной правды **продемонстрирована** на примере разных героев. Многие из них, о которых мы еще скажем в дальнейшей части наших рассуждений, своим христианским мировосприятием «заражали» узников, многие из которых даже если и не стали воцерковленными личностями, то дистанция между божественной сферой и мирской значительно сократилась. Трансцендирование человека, понимаемое как его устремление к высшей реальности, показано на волевом и эмоциональном уровне религиозных актов (молитвы, исповеди, таинств как таковых) и религиозных переживаний героев. Многими заключенными религия воспринималась

как атрибут России, как последняя надежда на спасение. Ширяев с невероятной реальностью описывает литургии, которые втайне для узников служил всеми уважаемый отец Никодим. Писатель пишет, что человек, попадающий на Соловки, рано или поздно приходит к Богу. Сам повествователь проходит духовную эволюцию, явившуюся следствием непредвиденных жизненных обстоятельств.

Повесть *Неугасимая лампада* построена на оппозиции, проявляющейся во всех сферах человеческих отношений и человеческого быта: антитеза - заключенный и начальник, их мировосприятие и миропонимание, шкала ценностей и отношение к человеку, сравнение локуса Соловков – ранее монастырь, ныне концлагерь, что относится к профанному миру, а что к сакральному. Эта оппозиционность касается также неоднократного и целенаправленного экспонирования дозволенного в Соловецком концлагере и недозволенного на материке. Писатель пишет, что в те страшные годы на Соловецкой каторге было намного «больше внутренней свободы, чем на материке, потому что там еще светила бледным пламенем Неугасимая Лампада Духа» (Ширяев 2009, 75). На Соловецкой каторге узники сумели создать театр, открыть журнал, организовать симфонический оркестр, и, что самое важное, цензура на острове не была столь жесткой, как на материке. Благодаря этому творческие люди находили себе применение.

Известный артист Арманов, попав на Соловки, не отчаялся и сразу же взялся за организацию театра. Играть на сцене можно было без освобождения от работы, после 10-12 часового дня тяжелого труда. Желающих играть в лагерном театре было много. Но уже через две недели после начала репетиций появилась афиша «Соловецкий театр драмы и комедии» (Ширяев 2009, 49). Ширяев пишет, что театр на каторге – это «экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве. Афиша – диплом на это звание и для актера, и для зрителя» (Ширяев 2009, 50). Дебют театра был ошеломляющий. Зрители хлопали до онемения ладоней, стучали ногами, все позабыв: и каторгу, и непосильный изнурительный труд, и повседневное унижение. На место Арманова пришел другой руководитель, известный русский комик Макар Борин, которому удалось освободить от работ сначала ведущих актеров, затем организовать технический персонал: портниху,

бутафора, плотника. В репертуаре лагерного театра 1923-1927 годов агитка почти отсутствовала и шли запрещенные в РСФСР пьесы – *Псиша*, *Старый закал*, *Каширская старина*, *Сатана*. Об агиткампании, заполнявшей сцену РСФСР, на Соловках не было и помина (Ширяев 2009, 56-57). Значительно большая свобода по сравнению с материком предоставлялась также толстому ежемесячнику «Соловецкие острова», в котором печатались материалы, далеко не созвучные эпохе. Журнал выпускался очень солидно, на хорошей бумаге. По своему содержанию он состоял из художественной литературы и научно-краеведческой. На смерть Есенина Соловецкие поэты отозвались целым циклом скорбных стихов, в которых была выражена скорбь о потере великого поэта. На материке этого не осмелился сделать ни один журнал.

К 1926 году на Соловках были созданы приличный духовный и симфонический оркестры. Здесь, как и на сцене театра, можно было слышать то, что невозможно было за пределами лагеря, например, «Чуют правду» Рахманинова. Вскоре появился «Театр малых форм» под названием ХЛАМ, ибо под только таким названием можно было продвинуть артистическую организацию. Первый спектакль имел бурный успех главным образом потому, что в нем ощущалось робкое дыхание свободы.

Соловецкая библиотека насчитывала около 30 тысяч томов разных книг. Среди них нашлись такие, которые были изъяты на материке: *Бесы* Достоевского, полное собрание статей К. Леонтьева, *Россия и Европа* Данилевского.

Особого внимания заслуживают «несломавшиеся люди», уничтоженные личности, со смирением и кротостью несущие крест Соловецкой каторги. Люди-герои, которые стали нравственным и моральным примером для многих каторжан. Скажем только о трех из них, лагерный подвиг которых не остался незамеченным: священник, фрейлина и адвокат. Эти люди, «отказавшись от себя», жили для других и ради других. О них Ширяев повествует в отдельной главе под названием «Сих дней праведники». Учитывая то, что герой является священником, хотелось бы хотя бы вкратце приблизить ситуацию, связанную с прямым отношением появления новых образов духовенства в русской литературе, далеко не похожих

на старца Зосиму или же на священников Чехова, Шмелева, Зайцева.

В советском государстве была объявлена целая кампания по „компрометации попов” (Замалеев 2005, 194). Ленин инициировал борьбу с буржуазной идеологией, но также с любой мистикой и идеализмом (Кодзис 2002, 90-91). Непримируемая борьба с духовенством и беспартийной интеллигенцией привела к тысячам жертв. Число уничтоженных составило 85% общего количества духовенства (Сура 2006, 11).

В начале XX века открытая и агрессивная борьба с религией стала причиной появления новых образов духовенства в русской литературе. В 20-е и 30-е годы многими писателями священники воспринимались как представители старого мира, символа темноты и отсталости (Сура 2008, 36). Именно в советскую эпоху наблюдается целенаправленное построение отрицательного образа священника. Отрицательные, негативные черты характера преобладают над положительными, если таковы вообще есть. В литературном образе священника на первое место выдвигаются скупость и жадность, желание наживы; вредные пристрастия и привычки: злоупотребление алкоголем и табакокурение. Такой преувеличенный и вульгарный образ священника подрывал его авторитет среди населения, что и являлось целью пропаганды. Ключевое значение в распространении идеологических антирелигиозных средств имела периодика, в которой, в основном, употреблялось слово „поп”, и с тех времен так сильно укоренилось в русской культуре, естественно, с яркой негативной окраской. Таким образом формировалось негативное представление об этой общественной группе людей¹. Для этой общественной группы людей свойствен следующий синонимичный ряд определений: отец, отец духовный, священник, поп, батюшка, миссионер.

В свою очередь, судьба и жизнь священника, фрейлины и адвоката в *Неугасаемой лампаде* выстраивается таким образом, чтобы читатель в упоении следил за ними до самого непредвиденного кульминационного момента, которым, в основном, является их уход из жизни.

¹ Об образе священника (Куса 2013, 191 – 204).

Отцу Никодиму было под восемьдесят, когда он попал на Соловки. Сразу же за ним закрепилось прозвище «Никодим Утешитель». Для всей безликой казарменной толпы священник был примером смирения, носителем Евангельской правды, светом во тьме. Вся его жизненная философия сводилась к пребыванию в Божьей любви и распространению этой любви на окружающих. Заключение его знали по религиозным рассказам и поучениям, которые он доступно им толковал. Отец Никодим обладал талантом рассказчика, всегда начинал свои рассказы из «жизненных историй», затем умело переходил к «священным». Даже лица далекие от религии внимали его учениям, задавая дополнительные вопросы с целью разрешения назревших религиозных недоумений. Казарма находилась в Преображенском соборе, в котором были еще не уничтоженные фрески. На одной из них была представлена притча о блудном сыне, которую отец Никодим в стиле учителя Закона Божьего растолковывал узникам. После встречи с отцом-узником Борис Ширяев, не до конца осознавая мотивации своего поведения, на второй день опять отправился в тот же собор к узнику Никодиму. Узнав о назначенном сроке пребывания на Соловках, священник начал утешать и смирять Ширяева, на что последний отреагировал агрессивно. Священник спокойно ответил: «Высшие философские премудрости постиг, звезды и светила небесные доставать умудрен, а такого простого дела, чтобы себе радость земную, можно сказать, обыкновенную добыть, – этого не умеешь» (Ширяев 2009, 259). Автора *Неугасимой лампы* тогда сложно было убедить в том, что жизнь полна радостью. Примером счастливого и радостного человека даже на каторге был сам отец Никодим. Все общество солдагерников он называл своим приходом, для которого втайне служил обедни. Однажды ему довелось даже служить литургию в так называемом столыпинском вагоне, где «пассажиров» перевозили по три человека в клетке. Всю десятидневную дорогу к Соловкам, ссыльный священник, «путешествуя» таким образом с уголовником и кавказским татаринном, совершал утреннюю и вечернюю службу, от чего его пассажиры в конце пути стали осенять себя крестным знаменем.

Отец Никодим был осужден, как сам признавался, за должностное преступление. С приходом новой власти появились новые законы, и в стенах храма – ни венчать, ни крестить, ни хоронить, без удостоверения из Полтавы, было нельзя. Так как священник продолжал это делать, то и был осужден. Свои пастырские обязанности он также смиренно выполнял и на Соловках. Власть у него изъяла все, оставив лишь Евангелие и изношенный подрясник. В казармах он шёпотом совершал богослужения, молебны, панихиды, исповедовал и причащал Святых Таин. Таинство Евхаристии он совершал над водой с клюквой. По просьбе офицеров служил в лесу на могиле расстрелянных, ему помогали даже попасть в лазарет к умирающим, что было крайне рискованно. Его беседы, утешения и поучения Ширяев сравнивает с ручейком.

Как ручеек из-под снега, журчит тихая речь Утешительного попа. Смыкает с души тоску ручеек... Светлеет чадная тьма бараков. [...] Вспыхивала радужный светом Надежда. Загоралась пламенным светом Вера, входили они в черное, опустошенное, перегорелое сердце, а из другого, светлого, лучисто улыбалась им Любовь и Мудрость немудрящего русского деревенского Утешительного попа (Ширяев 2009, 275).

Не избежал отец Никодим наказания за смелость перед властью имущими. На первый день Рождества всем лесным баракком решили отслужить обедню, в чем и был уличен отец Никодим и отправлен на Секирку, куда попадали штрафники, где зимой помещение не отапливалось. Здесь на Пасху он и отошел в мир иной.

Отец Никодим вел свою мессианскую деятельность безропотно и смиренно. Во многом этот образ священника-миссионера близок образу пастыря из романа Александра Сегеня *Поп*. Александр Ионин нес свой крест в тяжелых условиях немецкой оккупации Прибалтики во время Второй мировой войны. Оба священника обладали необыкновенным даром собеседника, исповедника и проповедника. В беседах оба были точны и лаконичны, в зависимости от ситуации и темы беседы, подбирая упоительный образ и подходящее сравнение. Священник Сегеня и Ширяева – «пастырь

добрый, идеальный батюшка»², благоговейно и трепетно совершающий богослужения, это проповедник любви и правды, провозвестник радости жизни.

Другим не менее достойным авторитетом совести среди лагерников был адвокат Василий Иванович. Василек – святая душа, как называли его каторжане. Он был сослан за сатирическую поэму на тогдашнюю советскую действительность, абсолютно незлобную, но очень точную и разоблачающую. Василий Иванович имел возможность эмигрировать, но не сделал этого, потому что всецело верил в человека, его совесть и волю к добру. Прирожденный внутренний такт, уверенность, что в каждом человеке можно найти хотя бы крупицу добра, давали ему силу жить дальше и творить правосудие. Кардинальные перемены в стране казались ему временными, поэтому он остался в России служить праву и справедливости. Василий Иванович, также как отец Никодим, пытался найти в человеке потаенные пути к сердцу, к совести, к чувству ответственности перед живым человеком, «а не перед мертвой буквой постановления ЦК» (Ширяев 2009, 283). Он избрал единственно правильный путь к человеческой совести, в которую беспредельно и безоговорочно верил – сила убедительности через слово.

Еще одним примером смирения и подражания в среде лагерников была женщина, – фрейлина трех императриц. Известно, что согласно уставу Соловецкого монастыря, женская нога не ступала на остров. Женщины могли поклониться святыне издали, с маленького Заячьего островка. Так и сейчас изолятор каторжанок находился на этом острове. В женском бараке жизнь была намного сложнее, чем в мужском. В этот изолятор без разбора помещали и проституток, и торговок, и уголовниц, и контрабандисток, и аристократок. Здесь пришлось также прижиться шестидесятипятилетней баронессе – фрейлине трех императриц. «Несломившаяся баронесса» с истинным чувством собственного достоинства, невероятным самообладанием и терпимостью, с беспредельным уважением к человеческой личности сумела пройти кромешный, каторжный путь без ропота. Не она сама была ненавистна каторжанкам, а ее прошлое, ее принадлежность к аристократической семье. Однако во

² Термин А. Розова (Розов 2001, 35).

всей лагерной жизни, быту, проступало то элегантное, утонченное, чего она не могла скрыть от завистных и ненавистных взглядов женщин-каторжниц. «Став каторжницей, она признала себя ею и приняла свою участь, неизбежность, как крест, который надо нести без ропота, без жалоб и жалости к себе, без сетования и слез, не оглядываясь назад» (Ширяев 2009, 296). После тяжелых рабочих дней вечером она, стоя на коленях, молилась, некоторых раздражая этим, некоторых еще больше к себе располагая. Своим смирением и безропотностью очень быстро фрейлина приобрела авторитет. Ширяев пишет, что духовное влияние баронессы на каторжниц чувствовалось с каждым днем все больше и больше. «Это великое таинство пробуждение Человека совершалось без насилия и громких слов. [...] Простота и полное отсутствие дидактики ее слов и действия и были главной силой ее воздействия на окружающих» (Ширяев 2009, 300). Когда вспыхнула эпидемия сыпняка, баронесса одна из первых вызвалась помогать умирающим. Больше она не вышла из двери сыпнотифозного барака.

Книга является не только историческим и документальным свидетельством лагерной антижизни, но также философским размышлением о смысле человеческой жизни, о том, что ею руководит и не дает сломаться в ужасающем лагерном быте, в котором понятия добра и зла размываются. Хотелось бы закончить статью ключевой мыслью книги:

Я думал... нет... верил, знал, что пока светит это бледное пламя Неугасимой, пока озарен хоть одним ее слабым лучом скорбный лик Искупителя людского греха, жив и дух Руси – многогрешной, заблудшейся, смрадной, кровавой ... кровью омытой, крещенной ею, покаянной, прощенной и грядущей к воскресению Преображенной Китежской Руси (Ширяев 2009, 131).

ЛИТЕРАТУРА:

- Замалеев Александр: *История русской культуры*. Санкт-Петербург 2005.
 Кодзис Бронислав: *Литературные центры русского зарубежья 1918-1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*. Мюнхен 2002.

- Куца Zoja: *Образ пастыря в произведении Александра Сегеня „Поп”*, „Roczniki Humanistyczne TN KUL. Seria: Słowianoznawstwo” 2013, tom LIX, zeszyt 7, с. 191-204.
- Паламарчук Петр, Филатова Алла: *Борис Ширяев. Известные люди*. http://www.peoples.ru/art/literature/prose/publicist/boris_shiryaev/, информация от 03.09. 2015.
- Прокофьева Валентина: *Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы*, „Русский язык и культура речи, ВЕСТНИК ОГУ 2005”, №11 с. 87-94.
- Розов Александр: *Заметки о церковной критике второй половины XIX - начала XX (Образ священника в русской литературе)*, „Русская литература” 2001, №4, с. 32-50.
- Сафронов Александр: *Жанровое своеобразие русской художественной документалистики (очерк, мемуары, «лагерная» проза*. Рязань 2012.
- Ширяев Борис: *Неугасимая лампада*. Москва 2009.
- Chrzan Renata: *Образ мужчины в лагерной литературе*, w: *Mężczyzna w literaturze, kulturze i językach Słowian wschodnich*. Praca zbiorowa. Lublin 2011, s. 71-84.
- Supa Wanda: *Biblia a współczesna proza rosyjska*. Białystok 2006.
- Supa Wanda: *Portrety prawosławnych duchownych w porewolucyjnej prozie rosyjskiej*, „Roczniki Humanistyczne TN KUL. Seria: Słowianoznawstwo” 2008, t. LXI, z. 7, s. 35-50.
- Wołodźko Alicja: *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji*. Warszawa 1995.